

The Religious Factor in the North Caucasian Frontier Zone

Sharafutdin A. Magaramov

Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences;
 Dagestan State Pedagogical University. Makhachkala, Russia. Email: [sharafutdin\[at\]list.ru](mailto:sharafutdin[at]list.ru)
 ORCID <https://orcid.org/0000-0001-8705-6143>

Received: 16 September 2024 | Revised: 5 December 2024 | Accepted: 15 December 2024

Abstract

While religious factor played a significant role in the history of the North Caucasian frontier, it was not a primary institution. Despite increased scholarly attention to the frontier dynamics of this region over the past two decades, the influence of religious factor remains understudied. This study examines the religious landscape of the North Caucasian frontier to better understand the historical and geopolitical processes at play. Religion often served as the primary marker shaping the political and behavioral patterns of the people of the North Caucasian frontier. This study uses a frontier approach, framing the North Caucasus as a zone of active intercultural and interreligious interactions. The work of American historian M. Khodarkovsky effectively demonstrates the effect of the frontier framework for analyzing the role of religion in the Caucasus of the modern times. The frontier concept broadens the historian's thematic scope, encouraging the use of new sources and/or reinterpretation of the existing evidence. This article introduces newly discovered archival documents from Russian federal archives, shedding light on religious processes in the Caucasus. It presents evidence demonstrating that religious solidarity with powers competing for regional dominance often served as the primary driver of political action for individuals within the frontier zone. However, this religious solidarity was frequently superseded by more immediate and pragmatic concerns.

Keywords

North Caucasus; Russian State; Persia; Frontier; Islam; Christianity; Religious Identity; Religious Values

This work is licensed under a [Creative Commons "Attribution" 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Религиозный фактор в зоне Северокавказского фронта

Магарамов Шарафутдин Арифович

Дагестанский федеральный исследовательский центр Российской академии наук;
Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова.
Махачкала, Россия. Email: [sharafutdin\[at\]list.ru](mailto:sharafutdin[at]list.ru) ORCID <https://orcid.org/0000-0001-8705-6143>

Рукопись получена: 16 сентября 2024 | Пересмотрена: 5 декабря 2024 | Принята: 15 декабря 2024

Аннотация

Религиозный фактор, или вопрос веры, во фронтирной истории играл заметную роль, но не представлял собой первичный институт. Проблема религиозного фактора во фронтирной истории Северного Кавказа, несмотря на то, что данный регион в последние два десятилетия удачно вписывается во фронтирное измерение в исследованиях кавказоведов, все еще остается недостаточно изученной. Основной целью исследования является рассмотрение религиозной ситуации на северокавказском пограничье, ради понимания исторических и геополитических процессов в данном регионе. Именно религиозный фактор нередко выступал в качестве главного маркера в политико-поведенческой модели субъектов северокавказского пограничья. Методологией исследования выступает фронтирный подход, который позволил рассмотреть территорию Северного Кавказа как фронтирную зону, где происходили процессы активных межкультурных контактов, в том числе межконфессиональных, взаимодействий. Американский историк М. Ходарковский убедительно показал возможности фронта в исследовании места и роли религиозного фактора в истории Кавказа Нового времени. Как известно, концепт фронта расширяет тематическое поле работы историка, что, в свою очередь, ведет к привлечению новых источников и (или) к новой интерпретации уже известных свидетельств. В статье вводятся в научный оборот нововыявленные архивные документальные данные из фондов федеральных архивов России, раскрывающие религиозные процессы в кавказском регионе. В статье приведены многочисленные факты, показывающие, что именно религиозная солидарность отдельных акторов фронтирной зоны с соперничавшими за господство на Кавказе державами служила главным маркером их политических действий. Зачастую религиозная солидарность приносилась в жертву более насущным и прагматичным потребностям.

Ключевые слова

Северный Кавказ; Российское государство; фронтир; ислам; христианство; религиозная идентичность; религиозные ценности

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons "Attribution" \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

Фронтальные территории, являясь пространством взаимодействия различных этнокультурных общностей, способствовали и межконфессиональным контактам, диалогу религий. Проблематика религиозной ситуации на фронте является многоплановой. Подтверждений этому может служить специальный тематический выпуск научного журнала фронтальных исследований под названием "In Frontier We Trust", (2009, № 3), статьи которого рассматривали различные аспекты религиозной веры во фронтальной зоне. Также весьма убедительной и крайне важной выглядит идея Л. В. Баевой о выделении конфессионального фронта в качестве отдельного типа фронта. Автор определяет его как «область проникновения той или иной религиозной системы на новые для нее территории, что может быть связано со столкновением или взаимопересечением различных конфессий (религиозных представлений) между собой» (Баева, 2014, с. 33).

Тема религии на северокавказском пограничье не становилась в историографии предметом отдельного исследования. Рассматривая в последние десятилетия территорию Северного Кавказа как фронтальную зону, ученые не включали в фокус своих исследований религиозную ситуацию.

В отечественной фронтальной историографии религиозный вопрос уже рассматривался. В частности, исследователь сибирского фронта А. Д. Агеев указывал на то, что «в механизме стимулов или реакций при движении евроамериканцев на запад и русских на восток религиозный фактор играл заметную роль, но едва ли следует считать, что религия даже в отдельные периоды представляла собой первичный институт» (Агеева, 2005, с. 336). В свою очередь, С. Н. Якушенков совершенно справедливо заметил, что нередко религиозный фактор был одним из важнейших во фронтальной истории. Именно религия становилась движущей силой возникновения новых фронтальных зон. В этом плане достаточно вспомнить, что одним из движущих мотивов основания американских колоний британцами был вопрос веры. Английские пуритане были вынуждены переселиться в Новый Свет для получения религиозной свободы (2019, с. 18).

Целью предлагаемой статьи является изучение религиозной ситуации в северокавказской фронтальной зоне, что является важным аспектом для понимания исторических и геополитических процессов в данном регионе.

Методологией исследования выступает фронтальный подход, который позволил рассмотреть территорию Северного Кавказа как фронтальную зону, где происходили процессы активных межкультурных контактов, в том числе межконфессиональных взаимодействий. Американский историк М. Ходарковский убедительно показал возможности фронта в исследовании места и роли религиозного фактора в истории Кавказа Нового времени. Автор отметил,

что «начиная с прихода России в регион в середине XVI в., Северный Кавказ становится религиозным фронтиром» (Khodarkovsky, 1999, p. 409).

Т. Баррет доказал широкий диапазон аналитических возможностей концепта фронта на примере истории вхождения Северного Кавказа в состав Российского государства (2000). Мы не считаем теорию фронта единственным возможным методом анализа исторических событий и явлений, происходивших на Северном Кавказе в Новое время. В то же время, как уже отмечено в историографии, концепт фронта значительно «расширяет тематическое поле работы историка, что, в свою очередь, ведет к привлечению новых источников и (или) к новой интерпретации уже введенных в оборот свидетельств» (Урушадзе, 2012). В работе акцент сделан на конфессиональном фронтире как уникальной аналитической рамке.

Не являясь сторонниками теоретико-методологического монизма, а наоборот, оперируя значительным набором теорий и исходя из того, что альтернативные модели могут быть если не одинаково верными, то способными взаимно дополнять одна другую, мы считаем, что их совокупное применение содействует углублению знания.

Нет необходимости в настоящей работе проводить подробный историографический анализ, показывающий, как данное исследование вписывается в существующий научный контекст, поскольку в своих предыдущих публикациях, посвященных целостной схеме периодизации, сущности и особенностям развития, историко-сравнительным параллелям северокавказского фронта с другими российскими фронтирными зонами, нами об этом написано (Магамамов, 2023а; 2023б).

Религия на северокавказском пограничье

С продвижением южных рубежей Московского государства к северным берегам Каспийского моря и Предкавказью Северокавказский регион превратился в религиозную границу, позже – в мусульманскую пограничную зону Российской империи. Христианами, оказавшимися по другую сторону естественной границы – Главного Кавказского хребта, – были грузины и армяне. Вынужденные платить дань то Персии, то Османской империи, окруженные мусульманскими народами Кавказа, грузины часто обращались к русским царям за помощью, выступая в роли «оскверненных христиан». Послы грузинского царя Александра в 1588–1589 гг. просили русского царя освободить их от турок – «недругов и в неверные руки не отданы были», которые захватили «Иверскую землю» (Грузию. – авт.). Послы также жаловались на дагестанского правителя – шамхала, чьи люди, как описывали сами послы, как «неверные собаки... тадбою крестьян ночью пленят, и ясыри в полон ведут, да от хрестьянской веры в бусурманскую веру нудят хрестьян» (Сношения России с Кавказом, 1889, с. 55–56).

Русским послам в Грузии в конце XVI в. национально-освободительную борьбу против Персии и турков преподносили в свете религиозной борьбы, защиты христианских ценностей и земель. «Земля Иверская искони хрестьянская вера. И не в давних летах за грех наш бусурманские государи шах Персицкой и салтан Турской хотели было Иверскую землю для веры хрестьянские разорити и войною на Иверскую землю кизылбашские и турецкие люди многижда прихаживали. И Александр царь с своею ратью с турецкими и с кизылбашскими людьми многижда бивался и церквей божьих разорити не дал; и та де война от бусурман на Иверскую землю по многие лета была. И государь наш Александр царь в одно время против двух бусурманских сильных государей стояти не мог и зделал по неволе, чтоб веры хрестьянские не разорити, Турскому дан начал давати, да и ныне дает; а кизылбашскому Худобендею шаху дал в заклад дочь свою да сына... Александр царь ныне к шевкалу платье посылает для того, чтоб шевкал людям своим на Иверскую землю ходити войною не велел» (Сношения России с Кавказом, 1889, с. 301-302). Грузинский царь вынужден был выплачивать дань, подкупать выплатами и подарками своих врагов.

Правящие кавказские мусульманские элиты в свою очередь обращались за помощью и покровительством к своим могущественным единоверцам – турецким султанам. Дагестанский шамхал, обеспокоенный быстрым продвижением границ Московского государства к своим землям, обратился в 1589 г. к турецкому султану. В письме шамхал отмечал, что русские «на земле на моей город (Терки. – авт.) поставили и реку Койсу (Сулак. – авт.) у меня отняли» и приготовились отправить против него из Астрахани и Терки значительную военную силу. Как отмечал шамхал, единственная надежда на защиту мусульманских земель была ожидаема от турецкого султана. В случае отсутствия военной помощи от него, русские овладеют Дербентом, Шемахой, Ширваном и Гянджой, и эти города будут за царем московским, а мусульман в этих городах «высекут, иных в свою (христианскую. – авт.) веру приведут, и наша бусурманская вера вся разоритца от тебя, только не вступишься за нас» (Сношения России с Кавказом, 1889, с. 202-203). Прося помощи у султана как халифа мусульманского мира, шамхал стремился убедить его в необходимости помочь представителям единой веры – мусульманам-суннитам.

Обращения в адрес турецких султанов дагестанцев за помощью из чувств религиозной солидарности имели место и позже. После ареста российскими войсками шамхала Тарковского Адиль-Гирея духовный лидер Дагестана Салман-афанди отправил султану Османской империи Ахмеду III (годы правления: 1703-1730) послание, в котором он отмечал, что «наши предки испокон веков верно служили верховному имаму (султан Османской империи. – авт.), и далее мы также будем следовать за ними во веки вечные. Мы не смиримся с тем, чтобы земли наши были поделены между неверными, а край наш был превращен в территорию войны (дар ул-харб) и стал [местом] угнетения для нечестивцев. Этот день тяжкий и тяжелый, и к оправданиям московитов,

что якобы они покупают землю для того, чтобы построить там крепости, не стоит прислушиваться, ведь земли ислама нельзя продавать без дозволения верховного имама, это запрещено. И их утверждения о том, что некоторые правители Тагистана (Дагестан. – авт.) подчиняются им, являются со стороны последних вынужденной мерой, а угодливые их речи, сказанные под принуждением, есть не что иное, как насилие... Если же вы все-таки отдали наши края неверным, то мы просим по вашей милости выделить нам земли на территории ислама, иначе оставьте нас на землях наших предков в мире и спокойствии, что, однако, будет наилучшим путем» (Шехмагомедов, Хапизов & Нурмагомедов, 2024, с. 58–59).

Как видно из текста, в понимании автора послания религия и государственный суверенитет не были и не могли быть четко разделены, султану следует отстаивать свой суверенитет над Дагестаном, потому что это мусульманская земля. Местным жителям, большинство которых исповедовали ислам, было нелегко отделить веру от политической жизни. Как показывала практика, крупнейшие державы региона нередко предъявляли претензии на земли и народы на основе их общей религии, при этом потенциал религиозной идентичности обнаруживал тенденцию к политизации.

Российское, османское и персидское правительства в отстаивании собственных геополитических целей часто использовали религиозный фактор. Они предъявляли претензии на земли и народы на основе их общей религии. Российские послы отстаивали российскую протекцию над Грузией, указывая в качестве главного аргумента, что это христианская страна. Аналогичным образом представители османов настаивали на том, что многие народы Кавказа являются мусульманами и, следовательно, подданными Османской империи (Сношения России с Кавказом, 1889, с. 572). В середине XVII в. дагестанский владетель – уцмий Кайтага Амирхан-султан, возражая утверждению Москвы, что владетели Эндиреевские были подданными России, подчеркнул: «И вам буди ведомо: Казаналп и Бурак мусульманы, а мусульманом у хрестьянского государя как в холопех быть, они могут холопи государя нашего шаховы» (Русско-дагестанские отношения, 1958, с. 173–174). Данная бескомпромиссная позиция уцмий объясняется тем, что он пришел к власти в результате междоусобиц исключительно благодаря помощи персидских сил, и она не соответствовала исторической действительности. К середине XVII в. многие кавказские мусульманские общества находились под протекцией или подданством русского царя, а многие христианские народы были подданными Османской империи.

В сознании многих кавказских мусульманских народов доминировало мнение о том, что в подданстве иноверных правителей находиться нельзя. Именно этим пытались воспользоваться противники российского присутствия в прикаспийских землях в первой трети XVIII в. В 1731 г. генерал В. Я. Левашов издал указ, запрещающий следовать за бунтовщиками, которые местных жителей «от послушания отводят не для мирской пользы над своей

бездельной корысти и разными внушениями людей обманывают и воровски толкуют, будто басурманом под христианскими державами быть невозможно, а всему свету известно таковых в своем примере множество, о чем от меня и прежде в народ опубликовано неоднократно, что как под христианскою российскою державою из древних лет бусурманского закона и протчих вер народов множественное число имеетца и в других христианских державах того немало, но и под басурманскими державами под Персицкою и Турецкою христианских народов грузинцов, армян, греков и протчих несколько есть же и в том знатно состоит...» (ЦГА РД. Ф. 340. Оп. 1. Д. 10. Л. 1-2).

Религиозный фактор в международных отношениях на Кавказе прослеживался и в последующий период. Во время Персидского похода Петра I в сентябре 1722 г. крымский Сеадет-Гирей-хан обратился к шамхалу Тарковскому Адиль-Гирею с воззванием объявить «священную войну» против русских: «махометанской ради веры против возмутителей жестоко биться... всем сердцем ради веры и земель махометанских старайся, чтоб от гиавура (неверных. – авт.) не были разорены..., гиавурским словам не верьте...» (Сношения России с Кавказом, 1889, с. 261-262). Как известно, шамхал не стал поддаваться уговорам крымского хана; наоборот, он сблизился с Петром I и тепло принял царя у себя дома. В отдельных случаях религиозная (мусульманская) солидарность срабатывала. В 1737 г., вскоре после того, как владетель Эндирея присягнул на верность России, ему было приказано отправить свои отряды на войну России против Османской империи. На это он ответил, что ему, как мусульманину, не подобает помогать иной веры правителю (русскому царю. – авт.) против мусульманского султана (РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1257. Л. 14 об.).

В сознании российских военных чинов религиозная принадлежность кавказских народов продолжала определять их поведение и моральные качества. Еще в XVI в. российские чиновники объясняли неспособность местных жителей сдержать клятву верности тем фактом, что они были мусульманами, и поэтому им нельзя было доверять (Сношения России с Кавказом, 1889, с. 305). Спустя два века, в 1784 г., генерал-губернатор Кавказа П. С. Потемкин пришел к выводу, что вполне возможно, что вероломный характер кабардинцев в нарушении данного обязательства (клятвы), даже после принятия ислама, можно объяснить их плохим пониманием догматов веры: «Клятва над алкораном (Коран. – авт.) есть главнейшее их обязательство, но понеже закон магометанской не в давних временах между ними поселен, да и непостоянство им свойственно, почему и редко сохраняют они клятву далее одного года. Легкомыслие делает их всегда клятвопреступниками». До перехода в ислам, продолжал губернатор, они были христианами, и «есть место одно в пределах Кабарды, называемое Татартуп, где древле был, конечно, храм божий по образцу христианскому сооруженный... в чрезвычайных между собою обязательствах заклинаятся оным и никогда уже сей клятвы не преступают», и если бы для проповеди среди них были посланы

подходящие священники, «одаренные знанием и приличным к сану их смирен- нием и кротостию, без сомнения скоро б они пролили свет благодати по всем народам, рассеянным в горах» (Кабардино-русские отношения, с. 360, 362).

Нередко именно вопрос веры служил прикрытием для реализации поли- тических целей. В 1775 г. губернатор Астрахани П. Кречетников предложил под предлогом защиты христианской веры и восстановления разрушенных церковей российскому правительству начать заселять город Татартуп в Кабарде, расположенный в стратегически важном месте недалеко от Грузии, что позволило бы лучше контролировать кабардинский народ (Кабардино- русские отношения, с. 314).

В 1726 г. главнокомандующий российскими войсками князь В. В. Долго- руков, объездив весь юго-западный берег Каспия с севера на юг, от севера Дагестана до северных провинций Ирана, и ознакомившись с состоянием российских войск, остался крайне недоволен. В недавно присоединенных к Российской империи западно-прикаспийских областях остро не хватало высших военных чинов. «Как на Сулаке (крепость Святого Креста. – авт.), так и в Дербени (Дербент. – авт.) безнадежны командиры», – заключал В. В. Долгоруков. Уловив психологию и нравы дагестанцев, В. В. Долгоруков в донесении Кабинету Е.И.В. рекомендовал в целях «государственного интересу, чтоб были здесь (в Дагестане. – авт.) командиры добрые», и просил учесть при командировании в регион, чтобы «в здешних местах командиры были везде генералы». В. В. Долгоруков свои рекомендации объяснял тем, что «где звание генеральское упомянетца, то и его боятца, а если полковник или подполковник комендантом является, его называют по мусульманскому обычаю маленьким господином» (РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Д. 77. Л. 1032). Как видно из документа, В. В. Долгоруков, как и многие представители российской военной администрации на Кавказе, считал, что дагестанцы, будучи мусульма- нами, не признают военных командиров или комендантов крепостей ниже генеральского чина.

Одним из методов укрепления собственных позиций российской военной администрации на Кавказе в петровскую эпоху была миграционная политика. В указе генерал-лейтенанту Матюшкину от 23 мая 1724 г. Петр I собствен- ную указал «всяким образом чтоб армян призывать и иных христиан, ежели есть, в Гилян и Мазендаран и оживать, а бусурман зело тихим образом, чтоб не узнали, сколько возможно убавливать, а именно турецкого закона (мусульман- суннитов). Также, когда осмотрится дабы знал сколько возможно там русской нации на первый час поселить» (Комаров, 1867, с. 58–59). Аналогичным образом планировалось поселить армян – выходцев из Южного Кавказа в крепости Святой Крест, Дербенте и Баку (АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. Д. 3. Л. 3 об.). По велению императрицы Екатерины II из Коллегии иностранных дел Матюшкину был отправлен указ, в котором сказано было «присланные от армянского народа о принятии о поселении тех армян, которые приходит в которые города будут и о отводе им для жилища тамошних персидских деревень..., оной армянский

народ ради поселения в провинции нашей по Каспийскому морю перешел, того ради повелеваем вам как в призывании народ армянской склонять, так и в приход их в поселения и отводе для поселения домов и деревень, и протчих жилищ и в чинении вспоможение им в том во всем...» (АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/3. Д. 3. Л. 3–4). Армян, как представителей христианского вероисповедания, планировалось селить не только в стратегических пунктах и военно-административных центрах Кавказа, но и в населенных пунктах, в которых испокон веков проживали по моноэтническому составу народы Дагестана. Секретный указ о заселении армян в Тарках (АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. Д. 7. Л. 3–4), в центре Тарковского шамхальства, чтобы «узда была надета на всех дагестанцов», был обнаружен нами в фондах АВПРИ. Тарки располагались на стратегически важном участке приморских коммуникаций на западном побережье Каспийского моря, поэтому имперским властям было крайне важно держать под контролем жителей данного поселения посредством армян.

Урегулирование споров между представителями разных религиозных общин во многом отражало политику России на Кавказе. Представитель российской власти комендант Дербента А. Т. Юнгер, хорошо разбиравшийся во взаимоотношениях местных жителей-мусульман и армян, старался не допускать развития конфликта между представителями разных конфессий. В докладе 1725 г. М. А. Матюшкину комендант был обеспокоен «ссорой» дербентских армян и их епископа Мартироса с местными жителями-мусульманами. Причиной тому послужила судьба купленной наибом за 350 руб. «девки ясырки черкесски», которую он «хотел везти в подарок Ея Величеству государыне императрице». Однако некий проворный армянин Яков Миризян увел «девку» со двора наиба и укрыл ее в погребке у епископа. И наиб жаловался коменданту на армян, от которых, по его словам, «нам житья не стало», и «будут и жен наших уводить из домов», а армяне, в случае наказания Якова, грозилась покинуть Дербент (Черкешенка для императрицы Екатериной Первой, 1911, с. 293–296).

Наиб Имам Кули-бек принимал самое активное участие в освобождении находящихся в городе в плену христиан. В 1722 г. по указанию генерал-адмирала Ф. М. Апраксина «христиане, которых от дербентских жителей будут к нему полковнику (коменданту А. Т. Юнгеру. – авт.) приходять, тех имена велеть записывать, а их по-прежнему отдавать их хозяевам, и велеть их держать у себя впредь до указа. Токмо того смотреть накрепко, чтоб христиан не приводили в магометанской или в персицкой закон, и сказать наипу, чтобы он велел во всем городе публиковать, дабы все дербентские жители подали ему наипу ведение, сколько у кого христиан есть, а он бы наип о том ведомость дал ему полковнику» (РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 216. Л. 201). Дербентцы с установлением российской власти в городе обязывались предоставлять наипу информацию о содержащихся у них пленниках христианской веры; тот в свою очередь передавал списки пленников городскому коменданту. При личном участии наиба также были освобождены из плена две русские девушки, когда

некий «татарин» планировал их отвезти из селения Аксай в Гилян с целью продать на невольничьем рынке. По счастливой случайности «из оных обретающихся при Дербене поп бывший в полону узнал дочь свою девку Авдотью, онаю наиб взял от того татарина и отдал ему, попу. Да одна девка русская ж Катерина Пензенского уезду с села Трубетчины, коя и в допросе сказала, что она русская, и оная чрез наипа взята ж, а за попову дочь тот татарин, которой ее купил, требует деньги, чтоб он дал...» (РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 226. Л. 74 об.). Подобного рода действия наипа Дербента всячески поощрялись и позволяли ему рассчитывать на благожелательное отношение со стороны российской центральной и региональной военной администрации.

Случалось бегство крестьян от горских владетелей в «пределы» России, где они переходили в христианство. Владетели, требуя их выдачи, указывали, что они переходили в православие не по причинам религиозного характера, а лишь для избавления от неволи или чтобы избежать наказаний за проступки на родине. Российская администрация понимала, что многих крестившихся горцев в действительности христианство не интересовало. Дабы не испортить отношения с лояльными российской власти владельцами, предписывалось запрещать предоставлять приют горцам и выдавать их владельцам, но придавать этой акции вид особой милости за преданность России. Переход в православие допускался лишь с личного разрешения местного командующего (Акты, собранные Кавказской археографической комиссией, 1886, с. 83). Астраханский губернатор И. В. Якоби в 1779 г. для упрочения покорности кабардинских аристократов внес в текст присяги пункт, по которому горский народ отныне имел право отходить от владельцев и селиться в приграничных районах в том случае, если налоги и повинности вырастут сверх меры (Трепавлов, 2007, с. 130). Чуть ранее, в 1771 г. после очередной петиции из Кабарды, Екатерина II согласилась вернуть беглых кабардинских людей, а за каждого перешедшего в христианство уплатить 50 руб. выкупом (Акты, собранные Кавказской археографической комиссией, 1886, с. 85). Запрет возвращать беглых людей кабардинской знати еще больше толкал местную знать на сторону Османской империи. Однако слова и действия региональных российских командиров не всегда соответствовали указу императрицы.

В XVIII в. российские имперские власти также отказывались возвращать горским владельцам убежавших из их плена грузин и армян. В июне 1727 г. дербентскому коменданту Юнгеру поступил из Астрахани приказ, предписывавший беглых грузин и армян не возвращать их прежним хозяевам и дать им возможность вернуться на свою родину. Правда, за это приходилось компенсировать из казны стоимость «ясырей-христиан» в размере 25 руб. за каждого признавшего российское подданство горского владетеля; нехристиан отдавали обратно. В случае уплаты выкупа самими беглыми их принимали под защиту российской протекции (Курукин, 2010, с. 249–250).

Политика принятия и обращения российской властью в христианскую веру кавказских народов означала противодействие местной знати и, таким образом, подрывала саму цель, которую правительство пыталось достичь – мир и безопасность на Северном Кавказе. Альтернативой было умиротворить знать и заручиться её сотрудничеством, вернув беглецов. Но для местных властей такая перспектива означала отказ от дешевой рабочей силы и новых рекрутов в армию, а для центрального правительства – отказ от потенциальных новообращенных в христианство.

У российских правящих кругов были масштабные планы по христианизации горского населения параллельно с покорением региона. Однако эти планы, несмотря на мероприятия миссионерской деятельности в регионе, не принесли ожидаемого успеха и остались в целом нереализованными. Тем, кто решил пересечь линию конфликта и поселиться на российской стороне границы, были предложены серьезные стимулы и щедрые вознаграждения. Некоторые из них поступали на военную службу, другие поселялись, чтобы обрабатывать землю, но ожидалось, что все они пройдут важнейший обряд посвящения – обращение в христианство. В глазах правительства такое обращение было чем-то большим, чем религиозная трансформация. Правительство предполагало, что новообращенные вскоре откажутся от своего языка и обычаев в пользу русских. Обращение в христианство приравнивалось к ассимиляции (Khodarkovsky, 1999, p. 428), это был единственный способ для горских жителей иметь равные с русскими возможности обживать новые территории.

Заключение

Религиозный фактор во фронтальной истории Северного Кавказа является значимым элементом для всех участников пограничья, способствующим пониманию исторических и геополитических процессов в данном регионе. Материалы свидетельствуют, что именно религиозная солидарность отдельных участников фронтальной зоны с соперничавшими за господство на Кавказе державами служила главным маркером их политических действий. В представлении многих участников северокавказского пограничья религия и государственный суверенитет не были четко разделены; мусульманским державам, исходя из чувств религиозной идентичности, следовало отстаивать свой суверенитет над Дагестаном, потому что он был мусульманской землей.

Зачастую религиозная солидарность приносилась в жертву более насущным и прагматичным потребностям. Российская империя свернула активную миссионерскую деятельность в регионе и заручилась лояльностью уже исламизированной элиты. Российские власти на Кавказе гораздо охотнее поддерживали распространение светской европеизированной культуры, нежели христианских ценностей.

Изучение территории Северного Кавказа как особого пограничного региона с присущими ему особенностями, выделение данной зоны в качестве конфессионального фронта открывает новые перспективы исследования. Требуется дальнейшей разработки проблема народов Северного Кавказа в том аспекте, что они оказались одновременно не только в южной зоне российского, европейского фронта, но и на севере фронта мусульманской цивилизации: народы Восточного Кавказа вошли в соприкосновение с Персией, а народы Северо-Западного Кавказа оказались на границе Османской империи.

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01106, <https://rscf.ru/project/23-28-01106/>.

The study was carried with the financial support of the Russian Science Foundation, project No. 23-28-01106, <https://rscf.ru/project/23-28-01106/>.

Список литературы

- Khodarkovsky, M. (1999). Of Christianity, Enlightenment, and Colonialism: Russia in the North Caucasus, 1550–1800. *The Journal of Modern History*, 71(2), 394–430. <https://doi.org/10.1086/235251>
- Агеев, А. Д. (2005). *Сибирь и американский Запад: Движение фронтиров*. Аспект Пресс.
- Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (Т. 1). (1886). б. и.
- Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). (1725а). Ф. 77. Сношения России с Персией, 1725 г. Оп. 77/1. Д. 3.
- Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). (1725б). Ф. 77. Сношения России с Персией, 1725 г. Оп. 77/3. Д. 3.
- Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). (1729). Ф. 77. Сношения России с Персией, 1729 г. Оп. 77/1. Д. 7.
- Баева, Л. В. (2014). Типология и проблемы изучения южно-российского фронта. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии*, 2, 32–38.
- Баррет, Т. М. (2000). Линии неопределенности: Северокавказский «фронт» России. В *Американская русистика. Вехи историографии последних лет: Антология: Т. 2: Императорский период* (с. 163–194). Издательство «Самарский университет».
- Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.* (1957). Издательство АН СССР.
- Комаров, В. (1867). Персидская война 1722–1725 гг. Материалы для истории царствования Петра Великого. *Русский вестник*, 4.
- Курукин, И. В. (2010). *Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735)*. Квадрига.

- Магарамов, Ш. А. (2023а). Особенности российского фронта на Северном Кавказе. *История, археология и этнография Кавказа*, 19(4), 934–945. <https://doi.org/10.32653/CH194934-945>
- Магарамов, Ш. А. (2023b). Российский фронт на Северном Кавказе: Проблемы периодизации. *Журнал фронтальных исследований*, 8(4), 17–29. <https://doi.org/10.46539/jfs.v8i4.514>
- Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ). (б. д.-а). Ф. 233. Оп. 1. Д. 216.
- Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ). (б. д.-b). Ф. 233. Оп. 1. Д. 226.
- Российский государственный архив древних актов (РГАДА). (б. д.-а). Ф. 9. Оп. 4. Д. 77.
- Российский государственный архив древних актов (РГАДА). (б. д.-b). Ф. 248. Оп. 113. Д. 1257.
- Русско-дагестанские отношения XVII – первой половины XVIII в. (1958). Дагестанское книжное издательство.
- Сношения России с Кавказом. 1578-1613 гг. (1889). Университетская типография.
- Трепавлов, В. В. (2007). «Белый царь». Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. Восточная литература.
- Урушадзе, А. Т. (2012). Фронт на Кавказе (XVIII–XIX вв.): Возможности и перспективы применения концепта. *Электронный научно-образовательный журнал «История»*, 7, 34–35.
- Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). (б. д.). Ф. 340. Оп. 1. Д. 10.
- Черкешенка для императрицы Екатериной Первой. (1911). *Русский архив*, 293–296.
- Шехмагомедов, М. Г., Хапизов, Ш. М., & Нурмагомедов, А. М. (2024). *Салман ат-Тлухи—«шайхул-ислам Дагестана»*. Махачкала.
- Якушенков, С. Н. (2019). “In Frontier We Trust”. *Журнал Фронтальных Исследований*, 3, 12–59. <https://doi.org/10.24411/2500-0225-2019-10018>

References

- A Circassian woman for Empress Catherine the Great.. (1911). *Russkiy arkhiv*, 293–296. (In Russian).
- Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission (Vol. 1). (1886). n. p. (In Russian).
- Ageev, A. D. (2005). *Siberia and the American West: The Movement of Frontiers*. Aspect Press. (In Russian).
- Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AFPRI). (1725a). F. 77. *Russia's relations with Persia, 1725*. In. 77/1. C. 3. (In Russian).
- Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AFPRI). (1725b). F. 77. *Russia's relations with Persia, 1725*. In. 77/3. C. 3. (In Russian).
- Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AFPRI). (1729). F. 77. *Russia's relations with Persia, 1729*. In. 77/1. C. 7. (In Russian).
- Baeva, L. V. (2014). The Typology and Problems of Studying the Southern Russian Frontier. *The Science Journal of Volgograd State University. Philosophy. Sociology and Social Technologies*, 2, 32–38. (In Russian).

- Barrett, T. M. (2000). Lines of Uncertainty: Russia's North Caucasus "frontier". In *American Russian Studies. Milestones of Historiography of Recent Years: Anthology: Vol. 2: The Imperial Period* (pp. 163–194). Samara University Publishing House. (In Russian).
- Central State Archive of the Republic of Dagestan (CSA RD). (n. d.). F. 340. In. 1. C. 10. (In Russian).
- Kabardino-Russian relations in the 16th-18th centuries*. (1957). Publishing house of the USSR Academy of Sciences. (In Russian).
- Khodarkovsky, M. (1999). Of Christianity, Enlightenment, and Colonialism: Russia in the North Caucasus, 1550–1800. *The Journal of Modern History*, 71(2), 394–430. <https://doi.org/10.1086/235251>
- Komarov, V. (1867). The Persian war of 1722-1725. Materials for the history of the reign of Peter the Great. *Russky Vestnik*, 4. (In Russian).
- Kurukin, I. V. (2010). *The Persian campaign of Peter the Great. The lower corps on the shores of the Caspian Sea (1722-1735)*. Quadriga. (In Russian).
- Magaramov, Sh. A. (2023a). Features of the Development of the Russian Frontier in the North Caucasus. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*, 19(4), 934–945. <https://doi.org/10.32653/CH194934-945> (In Russian).
- Magaramov, Sh. A. (2023b). The Russian Frontier in the North Caucasus: Issues of Periodization. *Journal of Frontier Studies*, 8(4), 17–29. <https://doi.org/10.46539/jfs.v8i4.514> (In Russian).
- Russia's relations with the Caucasus. 1578-1613*. (1889). University Printing House. (In Russian).
- Russian State Archive of Ancient Acts (RSAAA). (n. d.-a). F. 9. In. 4. C. 77. (In Russian).
- Russian State Archive of Ancient Acts (RSAAA). (n. d.-b). F. 248. In. 113. C. 1257. (In Russian).
- Russian State Archive of the Navy (RSA Navy). (n. d.-a). F. 233. In. 1. C. 216. (In Russian).
- Russian State Archive of the Navy (RSA Navy). (n. d.-b). F. 233. In. 1. C. 226. (In Russian).
- Russian-Dagestani relations of the 17th - first half of the 18th century*. (1958). Dagestan Book Publishing House. (In Russian).
- Shehmagomedov, M. G., Khapizov, Sh. M., & Nurmagomedov, A. M. (2024). *Salman at-Tluhi-"shaykhul-Islam of Dagestan"*. Makhachkala. (In Russian).
- Trepavlov, V. V. (2007). "White Tsar". *The image of the monarch and representations of subjection in the peoples of Russia in the 15th-18th centuries*. Oriental Literature. (In Russian).
- Urushadze, A. T. (2012). Frontier in the Caucasus (XVIII-XIX centuries): Possibilities and Prospects of Application of the Concept. *Istoriya*, 7, 34–35. (In Russian).
- Yakushenkov, S. N. (2019). "In Frontier We Trust". *Journal of Frontier Studies*, 3, 12–59. <https://doi.org/10.24411/2500-0225-2019-10018> (In Russian).